

**Русская и казахская концептосферы
в творчестве русскоязычных писателей Казахстана**
*русский язык в Казахстане, русскоязычные писатели,
русская и казахская концептосферы*

Русский язык – это составная часть духовной культуры казахстанского общества и мощное коммуникативное средство. Не случайно он, как язык межнационального общения, включен в казахстанский проект «Триединство языков», вместе с государственным казахским языком и английским – языком успешной интеграции в глобальную экономику. Это связано с ключевой потребностью в сохранении позиций русского языка с его исторически сложившимися на территории Казахстана интеграционными функциями.

Русский язык, будучи носителем значительного объема научной и культурной информации, имеет сложившуюся историко-культурную традицию использования в качестве языка межнационального общения [Сулейменова 2011: 85].

Известно, что своеобразие языка обусловлено двумя факторами: происхождением языка и взаимодействием его с другими языками, т.е. языковыми контактами. Эти факторы представляют собой две противоположные силы, которые формируют своеобразие языка, его непохожесть на другие. Контакты языков – это наиболее заметные события языковой истории, которые сильнее всего изменяют облик языка [Мечковская 2000: 169].

Интересной в этой связи является геософия как один из основных принципов евразийства. Геософия постулирует, что «месторазвитие важнее генетической близости народов» [Мир России 1995: 241]. Евразийцы подчеркивают близость славянских и восточных народов по условиям и месту длительного проживания. Внимание к объективным природным и этнографическим условиям, называемым «голосом земли», предопределяет исторический процесс. В. В. Колесов, комментируя данный принцип евразийства, отмечает, что «этот тезис важен. Достаточно указать на общий метод исследований, например в области языка, текста и культуры вообще: *структурализм* создан виднейшими представителями евразийства; это *логика пространства вместо логики времени*» [Колесов 2006: 164].

При общении в рамках евразийской культуры коммуниканты имеют, помимо кода своей национальной культуры, общий культурный код, общие морально-этические нормы, ценности, связанные с их «месторазвитием». У собеседников отсутствует ощущение «чужеродности», инаковости партнера по общению и не происходит столкновения с иными нормами, установками и стереотипом поведения. Общаясь на разных языках, казахстанцы ощущают нормальность, естественность казахстанской, евразийской, культуры, поведения, воспринимают ее как нечто само собой разумеющееся. «Всякая культура, – пишет Н.С.Трубецкой, – есть исторически непрерывно меняющийся продукт коллективного творчества прошлых и современных поколений данной социальной среды» [Трубецкой 1995: 77]. Поэтому важен общий язык – язык межнационального общения, каковым в Казахстане является русский язык, ибо «культура не простая сумма ценностей и даже не система их, но их органическое единство» и «развивает (их), и сама в них и только в них развивается», «культуро-субъект» и есть основной субъект истории [Карсавин 1995: 116].

При наличии разных языков носители евразийской культуры считают казахстанскую культуру нормой, знаки этой культуры они считают автоматически, так как она не является для них чужой, для понимания которой необходима постоянная работа сознания [Уфимцева 2007: 611]. Такие знаки евразийской культуры, как

Астана, Байтерек, шанырақ, дастархан, чапан, бешбармақ и др., казахстанцы считают своими. Анализ слов, ставших знаками евразийской культуры, позволит выявить особенности мировосприятия казахстанцев. При изучении евразийской культуры через русский язык в первую очередь анализируются слова, выражающие специфические черты характера, опорные точки ментальности, которые в значительной степени определяют предметно-смысловое содержание языковой картины мира евразийцев.

Евразийская ментальность находит яркое выражение в творчестве русскоязычных писателей и поэтов Казахстана – О. Сулейменова, Б. Каирбекова, Б. Канапьянова, С. Санбаева, А. Жаксылыкова, К. Кабдрахманова, Д. Амантая и др., которые являются билингвами, а также носителями «двойной культуры» – казахской и русской.

О творчестве О.Сулейменова писали, что в нем гармонично соединились две языковые стихии – казахская и русская, и каждая из них от благодатного взаимопревращения только выиграла. Русский поэт Л. Мартынов подчеркивал: «Олжас Сулейменов, казахский поэт, творящий на русском языке, целиком остается поэтом казахским, родным сыном этого прекрасного гордого народа, исстари сочетавшего свои надежды и чаяния с надеждами и чаяниями русского народа» [Сулейменов 1996: 19]. А причину его необыкновенного успеха известный критик Л. Анненский видел в том, что он «оказался на скрещении культур, на скрещении традиций», что в его творчестве «Пушкин встречается с Чоканом Валихановым, Конфуцием и Тагором».

«Истинным сыном степей и одновременно человеком мировой цивилизации» назвал Б. Канапьянова поэт Ян Август: «Он с детства впитал наставления Абая и метафоры Пастернака».

В творчестве Б. Кенжеева, как признается сам поэт, «постоянно проскальзывают какие-то степные, кочевнические мотивы». Б. Кенжеев стал лауреатом литературного конкурса «Русская премия» для зарубежных русских писателей. В одном из интервью он признался: «Практически для меня один из идеалов – это Шокан Валиханов, который был казахом и при этом был русским офицером, гражданином мира тоже немножко» [<http://rus.azattyq.org>].

Исследуя творчество русскоязычных писателей-билингвов, А. Б. Туманова предлагает понятие контаминированной картины мира и языковой картины мира как особой разновидности картины мира русскоязычного писателя-билинга казахской национальности, в которой «отображается реальная казахская действительность (историческая и современная), национальный менталитет, национальная культура... казахского народа», его языковая ментальность, в совокупности эксплицированные средствами не казахского, а русского как второго языка, в онтогенезе представляющего неотъемлемый компонент другой культуры, в том числе и языковой культуры – культуры русского человека [Туманова 2008: 7].

В творчестве русскоязычных писателей казахская действительность, казахская культура выражаются средствами русского языка, при этом контаминация мировосприятия обнаруживается не только и не столько в произведениях, в которых описываются реалии казахского быта, история казахов, а в произведениях, не связанных напрямую с казахской тематикой. Подобное мироощущение О. Сулейменов выразил так:

*Это кажется мне –
Аз и Я – Азия,
Ошибаюсь,
Мы кочуем навстречу себе,
Узнаваясь в другом.* [Сулейменов 1996: 92]

В поэзии русскоязычных поэтов Казахстана наблюдается интерференционная образная картина, в которой синергетически взаимодействуют в едином поэтическом

пространстве русское и казахское мирозерцание. В ней встречаются казахские образы, напр.: карагач, арык, дыня, арбуз, гранат, плов и др., через которые выражается связь с родной землей, космосом степного края, кочевой цивилизацией.

*Шорох листьев, опавших с угрюмых деревьев,
шаги по аллее случайных прохожих,
журчанье **арыка**,
летучая мышь над арыком мелькнула,
исчезла среди ветвей **карагача**.* (Б. Канапьянов)

*Вцепившись корнями
в сердце мое,*

*Шатаясь,
стоит **карагач**.* (О. Сулейменов)

*Здесь осень, лето и весна
Одна пора – всегда награда,
И **дыня** – солнце и луна,
А звезды – гроздь винограда.*

***Гранат** – огонь, **арбуз** – вода,
Зеленый чай – душе отрада.*

И царская поистине еда

***Плов** золотой под сенью сада.* (Б. Каирбеков)

В этих стихах много солнца, жгучих, пылающих лучей, ср. в «Гимне Солнцу» Б. Каирбекова:

Воистину, юг – хлебная страна.

Природа – печь – пылает непрерывно.

*И тянется за **осликом арба***

*С горячими лепешками **тандыра**.*

На каждом солнце новая печать,

***Тамга** – узор из времени былого.*

Русскоязычные поэты, используя казахские культурные коды, набрасывают их на описываемый мир, структурируют его, придавая ему особый национальный колорит. Напр., О. Сулейменов употребляет казахские эталоны сравнения: **Луна, как лепешка**, мне катится в руки; **Холмы**, холмы, о горы моей родины, **как опрокинутые казаны**; ср. также: **Луна** заглядывала в окно, она была **похожа на желтую налитую дыню** (А. Жаксылыков).

Известно, что свойственная каждой культуре совокупность знаний в соединении с психическими особенностями и национальным характером носителей данной культуры формирует определенный тип читателя, на который ориентируется автор художественного произведения [Марковина 2010: 32].

Создавая свои произведения на русском языке, казахстанские писатели учитывают «тип читателя», для которого знакомы описываемые реалии, культурные коды, казахская образная символика. Национально-специфические элементы казахской культуры так органично вплетаются в художественный текст, что не представляют собой «заусеницы», как образно назвал Г. Гачев элементы, которые «задираются» в процессе межкультурной коммуникации [Марковина 2010: 19]).

О. Сулейменов «пишет по-русски, но по строю поэтического мышления – решительно настоящий казах». Его русская речь обогащается красками восточной поэзии. О. Сулейменов в самой русской поэзии нашел традицию, опору для своих восточных, казахских, национальных стихов. Г. Бельгер писал о Б. Канапьянове, что он «весь замешан на национальном, хотя и выражает свои затаенные чувства и думы средствами русского языка» [Бельгер 2003].

Произведения русскоязычных писателей и поэтов Казахстана являются казахскими. Так, после опубликования повести Ч. Айтматова «Прощай, Гульсары!» на рус-

ском языке ни у кого не оставалось сомнения, что это произведение кыргызской прозы. «Ведь существует не только стихия национального языка, но и национального мышления», – писал Ч.Айтматов [Айтматов 1989: 3].

Так, в прозе С.Санбаева, который пишет на русском языке, но при этом сохраняет строй казахского языка, нашла отражение стихия казахского языка. В его произведениях отмечаются конструкции с композиционно значимым сочинением, напр., в рассказе «Когда жаждут мифа»: *«Ночное небо безмолвно смотрело на землю. Звездам было тесно на нем, они нетерпеливо бросались вниз и сгорали в пути. Прохладный ветерок дул с моря и нес запахи водорослей. Холмы, нахохлившись, ждали часа, когда опять оживут в рассказе старика. Горы Каратау закрывали собой добрую треть неба, они, казалось, стали выше от гордости за свои города-крепости и шумные селения, богатые рудники и зеленые сады, которых люди не забыли. Гигантской аркой, повторяя контур небосвода, висел над землей Млечный Путь. И бродила под ним легенда, прикасаясь ладонями к горам, холмам, людям и мазарам, и неживое оживало от ее дыхания. И была она в эту ночь спасительницей людской памяти».*

Композиционно значимое сочинение начинается в середине этой сверхфразовой единицы текста и усиливается в ее последней части, организуя специфическую композиционную точку – экспрессивно окрашенную концовку текста. Подобные конструкции восходят к лиро-эпическому жанру казахской поэзии – толғау (стихотворение-размышление). В основе организации толғау лежит повтор («вращение»). В тексте С.Санбаева этот принцип древнего жанра как стилизованный фольклорный ритм воплощается в композиционно-синтаксических формах [Алдамжарова 2003: 19-20].

В творчестве русскоязычных писателей Казахстана удачно синтезировано культурное наследие двух народов – казахского и русского.

В картине мира писателей-билингвов в причудливой конфигурации представлены две концептосферы. Характер творчества билингва зависит от степени его погруженности в ту или иную концептосферу, определяясь не только богатством лексикона на русском и казахском языках, но и глубиной знаний в области концептуального мира.

Произведения русскоязычных писателей можно сравнить с юртой. Б.Канаяпов сравнил книгу с юртой, «где шанырак – небосвод нашего бытия. И книга, как юрта, удивительно гармоничным образом соединяет в себе утилитарность, функциональность и высокую духовность, поскольку хранит в себе память многих поколений. Словом, это формула жизни отдельного человека и всего народа». [<http://almaty-lit.ucoz.ru/news/2011-10-12-836>]

Литература

- Айтматов Ч. Интервью / Ч.Айтматов // Литературная газета. – 1989. – № 5. – С.3.
- Алдамжарова М.Г. Композиционно-синтаксические особенности творческого контекста Сатимжана Санбаева: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / М.Г.Алдамжарова. – Алматы, 2003. – 22 с.
- Бельгер Г. Гармония духа / Г.Бельгер. – М.: Рус. книга, 2003. [Электронный ресурс]. – Режим доступа – URL: <http://proza.kz/work/23796>.
- Карсавин Л.П. Основы политики / Л.П.Карсавин // Мир России – Евразия. – М., 1995. – С. 110–154.
- Колесов В.В. Ментальность в языке и тексте. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2006. – 624 с.
- Марковина И.Ю. Культура и текст. Введение в лакунологию: Учебное пособие / И.Ю.Марковина, Ю.А.Сорокин. – М.: ГЭОТАР-Медиа, 2010. – 144 с.
- МИР РОССИИ – ЕВРАЗИЯ: антология / сост.: Л.И.Новикова, И.Н.Сиземская. – М.: Высшая школа, 1995. – 399 с.

Сулейменов О.О. Исправляя метафорой мир / О.О.Сулейманов. – Алматы: Қаржы-қаражат, 1996. – 288 с.

Сулейменова Э.Д. Языковые процессы и политика / Э.Д.Сулейменова. – Алматы: Қазақ университеті, 2011. – 117 с.

Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык / Н.С.Трубецкой. – М.: Прогресс, 1995. – 799 с.

Туманова А.Б. Языковая картина мира в художественном дискурсе писателя-билингва: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук / А.Б.Туманова. – Алматы, 2008. – 48 с.

Уфимцева Н.В. Психоллингвистика и межкультурная коммуникация / Н.В.Уфимцева // Мир русского слова и русское слово в мире: Материалы XI Конгресса МАПРЯЛ. – Т.4. Язык, сознание, личность. – Sofia: Heron press, 2007. – С. 609–615.

<http://rus.azattyq.org> [Электронный ресурс]. Дата обращения 14.07.2016.

<http://almaty-lit.ucoz.ru/news/2011-10-12-836> [Электронный ресурс]. Дата обращения 14.07.2016.